

тельными, чтобы быть страшными». Здесь Сен-Жюст, конечно, признавал свою силу; оставаясь безусловно честным, он имел полное право говорить во имя республиканской честности; между тем как эбертисты, по крайней мере на словах, легкомысленно относились к вопросам нравственности, что давало повод смешивать их со всей толпой буржуазных хищников, ничего не видевших в революции, кроме случая для наживы.

Что касается до экономической программы Сен-Жюста, то в своем докладе 8 вантоза он воспроизвел от себя некоторые из мыслей бешеных. Он признался, что до тех пор не думал об этих вопросах. «Сила вещей, - говорил он, - приводит нас, может быть, к результатам, о которых мы раньше не думали». Теперь, думая об этом, он, однако, додумался до немногого. Он ничего не имел против богатства вообще; он восставал против богатства только тогда, когда оно было в руках врагов революции. «*Собственность патриотов священна*, - говорил он, - но имения заговорщиков послужат для бедных». Он высказал, впрочем, несколько замечаний о земельной собственности. Он хотел бы, чтоб земля принадлежала тем, кто сам ее обрабатывает: пусть отбирают землю, говорил он, у тех, кто не обрабатывал ее в продолжение 20 или 50 лет. Ему представлялась, таким образом, демократия, состоящая из добродетельных мелких собственников, живущих в скромном достатке. И он требовал, чтобы земли заговорщиков против республики были отобраны для раздачи бедным. Покуда будут бедные, неимущие и покуда гражданские отношения в стране¹ таковы, что они вызывают потребности, противоречащие форме правительства, свобода невозможна. «Как может утвердиться свобода, *если остается возможность поднять бедных против нового общественного порядка*; и как можно сделать, чтобы не было бедных, если каждый не будет владеть участком земли... Нищенство надо уничтожить, раздав национальные имущества бедным». Он говорил также об организации вроде национального страхования всех граждан; об «общественном земельном фонде, существующем для того, чтобы приходить на помощь в случае бедствия». Этот фонд послужил бы для «вознаграждения добродетели», для пособия отдельным лицам в случае личного несчастья, для образования.

И наряду с этим он проповедовал усиленный террор: эбертистский террор, слегка окрашенный социализмом. Но социализм Сен-Жюста имеет какой-то отрывочный характер. Это, скорее, нравоучительные советы, чем конкретные мысли и проекты законодателя. Видно, что Сен-Жюст стремился прежде всего доказать, как он сам выразился, что «Гора все-таки остается вершиной революции». Она не даст себя опередить. Она гильотинирует бешеных и эбертистов, но кое-что заимствует у них.

Этим своим докладом (из которого впоследствии якобинцы хотели сделать чуть не библию социалистических требований) Сен-Жюст добился от Конвента двух декретов. Один из них был ответом тем, кто требовал смягчения преследований: Комитету общественной безопасности давалось право освобождать «задержанных патриотов». Другой - представлял попытку вырвать почву из под ног у эбертистов и вместе с тем успокоить лиц, покупавших национальные имущества: имения, купленные патриотами, останутся в их владении; но имущества врагов революции будут отобраны на пользу республике. Что же касается до самих врагов, то их будут держать в тюрьмах вплоть до заключения мира, после чего они будут изгнаны из Франции. В сущности, от речи Сен-Жюста остались одни слова.

Тогда кордельеры решили действовать. 14 вантоза (4 марта) они покрыли черным покрывалом таблицу прав человека, висевшую в их клубе. Венсан говорил о гильотине для врагов революции, а Эбер произнес речь против Амара, члена Комитета общественной безопасности, не решавшегося послать еще 73 жирондиста на эшафот. Он даже намекал на Робеспьера, не за то, что он представлял препятствие действительно серьезным экономическим преобразованиям, но за то, что он заступился за Демулена. Таким образом кордельеры не выходили из области террора. О главных вопросах, волновавших население, - вопросах экономических ничего не было сказано. Каррье поставил прямо вопрос о необходимости восстания. Но ничего такого, что могло бы поднять Париж, не было сказано.

Париж не поднялся, и Коммуна отказалась следовать за кордельерами. Тогда ночью 23 вантоза (13 марта) эбертистские вожди - Эбер, Моморо, Венсан, Ронсен, Дюкроке и Ломюр были арестованы, и Комитет общественного спасения стал распространять на их счет через Бийо-Варенна всякие басни и клевету. Они собирались, говорил Бийо, перерезать в тюрьмах всех роялистов; они хотели ограбить Монетный двор; они зарывали в землю жизненные припасы, чтобы произвести голод в Париже!

28 вантоза (18 марта) Шометт был тоже арестован после того, как Комитет общественного спасения своей собственной властью сменил его и посадил на его место некоего Селье. Точно так же

¹ Сен-Жюст имел здесь в виду отношения экономические.